

Функциональная грамматика и функциональная семантика

Functional Grammar & Functional Semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-7-22

УДК 811.161.1(574)

Научная статья / Research article

Виз биргемиз, или Еще раз о диверсификации русского языка в Казахстане

Э.Д. Сулейменова^{1*}, Д.Х. Аканова², М.М. Аймагамбетова¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
050040, Республика Казахстан, Алматы, пр. аль-Фараби, 71

²Чикагский университет,
60637, Соединенные Штаты Америки, Chicago, Illinois, 5801 South Ellis Avenue
*esuleim@gmail.com

Аннотация. Критерии плюрицентрических языков, обобщенные «Рабочей группой по не-доминантным разновидностям плюрицентрических языков» (WGNDV), а также ранее выдвинутое нами условие герметичности, непрозрачности, непонятности казахстанского русского были использованы для обсуждения возможности его постепенного образования. Сделаны два основных вывода: а) русский язык постсоветского пространства в настоящее время соответствует критериям плюрицентрических языков; б) русский язык в Казахстане переживает бурные и заметные по результатам диверсификационные процессы. Выделены аргументы казахстанских лингвистов, утверждающих (Б.Х. Хасанов, Е.А. Журавлева, Д.Д. Шайбакова и др.) или отрицающих (З.К. Сабитова, А.К. Казкенова и др.) квалификацию русского языка как варианта в Казахстане — стране долговременного и массового казахско-русского двуязычия. Поколения носителей русского языка (монолингвы — этнические русские, корейцы, украинцы и другие и билингвы — казахи, узбеки, уйгуры и другие) с доминирующим русским или доминирующим этническим языком — с разным эффектом вовлечены в процессы советской русификации и современной казахизации. Диверсификация русского языка в Казахстане сегодня происходит на фоне кардинального изменения статуса и функционального состояния казахского и русского языков; сокращения числа урожденных носителей русского языка; принципиальных перемен казахско-русского двуязычия, отражающегося в кризисе языковой идентичности части казахстанцев, в языковом сдвиге в сторону русского языка (корейцы, часть казахов, украинцы, малочисленные этносы и др.) и повороте языкового сдвига казахов;

© Сулейменова Э.Д., Аканова Д.Х., Аймагамбетова М.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

усиления позиций казахского языка в деловой сфере, культуре, образовании, масс-медиа, межэтническом общении; изменившегося вектора влияния языков (казахский русский) и открытости русского языка для устных и письменных заимствований, особенно в медиа текстах; наконец, новых коммуникативных потребностей казахстанцев. Длительное языковое и культурное пограничье, образующее присущую казахстанцам интериоризированную концептуально-ментальную картину мира, стало принципиальным фактором, стимулирующим диверсификационные процессы русского языка в Казахстане.

Ключевые слова: русский язык, плюрицентрический язык, диверсификация, 'казахстанский' русский язык, кодификация

История статьи:

Дата поступления: 09.12.2020

Дата приема в печать: 15.12.2020

Для цитирования:

Сулейменова Э.Д., Аканова Д.Х., Аймагамбетова М.М. Biz birgemiz, или Еще раз о диверсификации русского языка в Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 7—22. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-7-22

UDK 811.161.1(574)

Biz birgemiz, or Revisiting the Diversification of Russian Language in Kazakhstan

Eleonora D. Suleimenova^{1*}, Dana Kh. Akanova², Malika M. Aimagambetova¹

¹Al-Farabi Kazakh National University,
71, al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040

²The University of Chicago,
5801 South Ellis Avenue, Chicago, Illinois, USA, 60637

*Corresponding author: esuleim@gmail.com

Abstract. The criteria for pluricentric languages, generalized by the Working Group on Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages (WGNDV), as well as our earlier condition of tightness, opacity, incomprehensibility of Kazakh Russian were used to discuss the possibility of its gradual formation. Two main conclusions were made: a) the Russian language of the post-Soviet space currently meets the criteria for pluricentric languages; b) the Russian language in Kazakhstan is going through rapid and noticeable diversification processes. The arguments of Kazakhstani linguists who assert (B.Kh. Khasanov, E.A. Zhuravleva, D.D. Shaibakova, etc.) or deny (Z.K. Sabitova, A.K. Kazkenova, etc.) the qualifications of the Russian language as variant in Kazakhstan — a country of long-term and massive Kazakh-Russian bilingualism. Generations of Russian speakers (monolinguals — ethnic Russians, Koreans, Ukrainians and others and bilinguals — Kazakhs, Uzbeks, Uighurs and others) with a dominant Russian or a dominant ethnic language — are involved in the processes of Soviet Russification and modern Kazakhization with different effects. Nowadays the diversification of the Russian language in Kazakhstan is taking place against the background of a fundamental change in the status and functional state of the Kazakh and Russian languages; reducing the number of native Russian speakers; fundamental changes in Kazakh-Russian bilingualism, reflected in the crisis of the linguistic identity of a part of

Kazakhstanis, in a linguistic shift towards the Russian language (Koreans, part of Kazakhs, Ukrainians, small ethnic groups, etc.) and a turn of the linguistic shift of Kazakhs; strengthening the position of the Kazakh language in business, culture, education, mass media, interethnic communication; the changed vector of influence of languages (Kazakh Russian) and the openness of the Russian language for oral and written borrowings, especially in media texts; finally, new communication needs of Kazakhstanis. The long-term linguistic and cultural borderland, which forms the internalized conceptual-mental picture of the world inherent in Kazakhstanis, has become a fundamental factor stimulating the diversification processes of the Russian language in Kazakhstan.

Keywords: Russian language, pluricentric language, diversification, “Kazakhstani” Russian language, codification

Article history:

Received: 09.12.2020

Accepted: 15.12.2020

For citation:

Suleimenova, E.D., Akanova, D.Kh. & Aimagambetova, M.M. (2021). Biz birgemiz, or Revisiting the Diversification of Russian Language in Kazakhstan. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 7—22. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-7-22

Введение

Состояние русского языка (РЯ) в разных регионах находится под пристальным вниманием общества и специалистов; описывалось Е. Земской, В. Алпатовым, М. Копыленко, Н. Вахтиным, А. Мустайоки, Е. Протасовой, Л. Крысиным, В. Синячкиным, У. Бахтикиреевой, А. Рудяковым, Б. Хасанулы, А. Карлинским, Э. Сулейменовой, Н. Шаймерденовой, З. Ахметжановой, С. Саиной, Д. Шайбаковой, В. Нарожной, Н. Дмитрюк, Е. Журавлевой, У. Мусабековой, З. Сабитовой, А. Казкеновой и другими.

Н. Вахтин, А. Мустайоки, Е. Протасова, сравнив контактные изменения в английском языке, которые начались раньше минимум на столетие, считают, что диверсификация РЯ может идти по нескольким направлениям: 1. «Островные» явления с неизбежной консервацией языкового состояния, замедлением языковых изменений по сравнению с «материнским» языком. 2. «Контактные явления первого рода», возникающие в языке «других русских» в Казахстане, Таджикистане, Латвии, Эстонии и других постсоветских государствах в результате значительных заимствований из языков «титульного» населения. 3. «Контактные явления второго рода», характерные для языка трудовых мигрантов и сопровождающиеся значительной интерференцией из родного языка [1. С. 5].

Естественно, нам интересна вторая группа «контактных явлений» РЯ, фокус изучения которых в контексте нашей темы может быть сформулирован в виде вопроса: *Действительно ли в Казахстане — стране с долговременным активным и массовым казахско-русским билингвизмом — происходят*

заметные процессы диверсификации русского языка, и он находится на пути образования одного из дивергентно-конвергентных вариантов, или 'казахского / казахстанского' варианта русского языка?

При описании данного феномена используются многочисленные термины: *плюрицентричность, поливариантность, полинациональный язык, национальный вариант, региональный вариант, плюрицентрический язык, плюрицентрический вариант, местный вариант, локальный вариант, самостоятельный вариант, функциональный вариант* и др.

«Рабочей группой по недоминантным разновидностям плюрицентрических языков» (WGNDV) неоднократно обсуждалось понятие *плюрицентричности* и был представлен эмпирический материал 43 известных плюрицентрических языков (PCL) [2]. В 1952 г. Х. Клосс применительно к германским языкам, по свидетельству Р. Мура, вводил термины «Ausbausprache» (язык, расширяющий функциональные возможности) и «Abstandsprache» (язык с лингвистической дистанцией), нашедшие поддержку У. Вайнрайха и Дж. Фишмана. В 1978 г. Х. Клосс использовал понятия *бицентрический, полицентрический* и *плюрицентрический*, последний и стал ключевым термином. По Х. Клоссу, PCL используются в независимых государствах (т. е. имеют два и более интерактивных центра), равны по статусу и функционально эквивалентны [3. Р. 13—40]. Разные аспекты плюрицентричности были учтены в определении Р. Мура: «Плюрицентрический язык — это язык, который используется как минимум в двух странах, где у него есть официальный статус государственного, со-государственного или регионального языка с собственными (кодифицированными) нормами, которые обычно участвуют в формировании национальной / личной идентичности путем сознательного использования норм, присущих этой конкретной стране, превращая ее в центр, формирующий норму» [3. Р. 20].

Как же называть феномен, о котором идет речь в настоящей работе — *плюрицентрическим, национальным, региональным, казахским* или *казахстанским* русским языком?

В казахстанских исследованиях по обозначенной тематике более длительную традицию (даже в советский период, когда не допускалась и мысль о возможности существования национальных вариантов РЯ, имевшего наивысший статус и коммуникативные возможности на всей территории громадной страны) имеет термин *национальный вариант*, к которому, естественно, восходит *казахстанский / казахский вариант*.

Принято считать то, что относится к казахскому этносу, *казахским* (своим, принадлежащим, созданным, используемым и т. п. казахами), а то, что связано с государством Казахстан, — *казахстанским*.

Е.Ю. Протасова, вопреки названию опубликованной статьи, уверенно и последовательно называет описанные ею и соавторами явления «казахским русским языком» [4. С. 231—263].

В настоящей и опубликованных ранее работах используется название *казахстанский русский язык* (далее КРЯ) [5; 6; 7 и др.]. Выбор термина продиктован важным, на наш взгляд, соображением. Наблюдаемый языковой феномен в течение длительного времени создавался и создается усилиями и творчеством казахов-билингвов, а понимается, поддерживается и используется не только ими, но и представителями иных этносов, находящихся в едином с казахами коммуникативном пространстве Казахстана.

Критерии плюрицентрического языка (PCL): общий взгляд извне

В «Рабочей группе по недоминантным разновидностям плюрицентрических языков» (WGNDV) неоднократно обсуждались критерии, составляющие PCL. Рабочая группа относит к ним 7 критериев [2], позже Р. Мур сократил список до 6 критериев [3. Р. 13—40; 8. Р. 11—64]: (1) PCL встречаются как минимум в двух странах. (2) PCL должен быть государственным, со-государственным или минимум региональным как минимум в двух странах; он должен быть официально признан, его статус должен превышать статус миноритарного языка, иначе он не может функционировать как центр, создающий норму. (3) Языковая дистанция: PCL должны иметь достаточно языковых и / или прагматических характеристик, которые отличают его и могут служить символом идентичности и социальной уникальности. (4) Языковое сообщество должно принять статус своего языка как PCL и рассматривать его как часть своей социальной / национальной идентичности. (5) Релевантность идентичности и осознание функции PCL для идентичности: национальная норма PCL должна соответствовать социальной идентичности и языковое сообщество должно (до определенной степени) это осознавать и приводить как минимум к каким-то своим кодифицированным нормам. (6) Языковые нормы PCL должны быть в определенной степени кодифицированы и на этом основании осознанно использоваться в качестве национальной нормы носителями и государственными институтами. (7) PCL обучают в школах, его распространяют и продвигают языковым сообществом.

Р. Мур считает, во-первых, что признание PCL возможно при наличии как минимум одного из признаков; во-вторых, для PCL особую значимость имеют (1) и (2) критерии. Несоответствие критерию (6) может служить серьезным препятствием для признания PCL. Критерии (3) и (4) фактически определяются признанием языковым сообществом раздельности (обособленности, самостоятельности, отдельности) его существования и использования как части своей национальной идентичности [3. Р. 23—48; 8. Р. 13—40; 9. Р. 11—64; 10; 11].

Считаем, что апелляция к языковому и этническому сознанию, языковой и этнической идентичности жителей постсоветских стран, с разной степенью болезненности переживающих процесс дерусификации, может быть принята со значительными оговорками. В Казахстане разные поколения носителей

РЯ — монолингвы (этнические русские, корейцы, украинцы и др.) и билингвы (представители самых разных этносов) с доминирующим русским или доминирующим этническим языком — в разной степени были отягощены ассимиляционными процессами периода тотальной советской *русификации* и по-разному вовлечены в процессы современной *казахизации*. Не одинаковыми по результатам, но близкими по остроте эмоциональной составляющей оказались для разных поколений не только кризис языковой идентичности, смена языка (корейцы, часть казахов, украинцы, малочисленные этносы и др.), но и частичная смена этнической идентичности на иные коллективные идентичности. В подобных обстоятельствах ориентация на мнение казахстанцев об отдельности РЯ в Казахстане, по нашему мнению, может породить еще больше вопросов, которые зачастую не будут иметь прямого отношения к поставленному выше вопросу.

Важным критерием признания существования КРЯ, который был впервые сформулирован Э.Д. Сулейменной [5. С. 258] и эмпирически подтвержден Е.Ю. Протасовой [4. С. 231—263], является «герметичность, непрозрачность, непонятность» КРЯ для носителей РЯ, живущих вне Казахстана. Э.Д. Сулейменова, приведя несколько показательных текстов газеты «Взгляд» *...аренда шестиканатной юрты обойдется в 30 000 тенге, а восьмиканатной — в 40 000 тенге; казахские баксы и кюйши одинаково поклонялись Коркуту, и если баксы исполняли сарыны Коркута, то кюйши — его кюи; добавьте к этому дополнительные материалы — арканы, кошмы, баскуры и еще кииз, тускииз, текемет, сырмак, сандык, тосекагаи, сырмак из кошмы, баскур из тканой узорной ленты, токыма на кошомной основе, вышитый шелковыми нитями, бостек с ою-орнек, бесик из натурального дерева*, задает вопрос: «Эти отрывки понятны практически большинству казахстанцев, в особенности билингвам-казахам. Однако будут ли они поняты россиянином?! Не звучат ли они для него так же, как *глокая куздра* или *путьки бятые*? [5. С. 258].

Ответ на данный вопрос был дан Е.Ю. Протасовой на основе анализа русскоязычных газет за две недели 2014 г. [4. С. 231—263]. Спорадические и вполне устойчивые заимствования, написание слов и выражений по правилами казахской орфографии, неясные сокращения, отсылки к местным реалиям, географические названия, имена, наименования различных явления и объектов, неясные обращения к истории, литературе, культуре, тексты, осложненные метафорами, игрой слов, намеками, непривычными оборотами речи и мн. др., — все делает казахстанские русскоязычные газетные тексты трудными для понимания носителями РЯ, живущими не в Казахстане. РЯ рассмотренных изданий, утверждают авторы, во-первых, амбивалентен для местного человека, в нем сильна национальная (казахская) специфика и различия между РЯ России и Казахстана значительны; во-вторых, представленные факты зафиксировали момент развивающейся разновидности КРЯ.

‘Герметичность’, ‘непрозрачность’ газетных текстов для понимания¹ неказахстанцами Е.Ю. Протасова считает признаком постепенного становления КРЯ [4. С. 231—263].

РЯ с возможными вариантами во всех бывших советских республиках как прилегающих языковых областях включен «Рабочей группой по недоминантным разновидностям плюрицентрических языков» (WGNDV) в список PCL [113]. Р. Мур считает важным учитывать вполне типичную реакцию неприятия плюрицентричности РЯ российскими лингвистами и жителями многих постсоветских республик. Часто языковые сообщества имеют центристские и элитарные представления о своем языке и его нормах. Обычно требуется минимум два поколения для принятия мысли о существовании в рамках единого языка нескольких равных стандартных вариантов [8. Р. 11—64].

Русский язык в Казахстане: пристрастный взгляд изнутри

Положительные и отрицательные ответы на поставленный во Введении вопрос можно найти в категоричной или уклончивой форме. Нужно понять, на *чем* основаны утверждение или отрицание, а также оценить описываемые конкретные критерии начавшегося, продолжающегося или закончившегося процесса диверсификации РЯ и квалификации КРЯ как самостоятельного варианта. При этом оказалось трудно избежать сомнений относительно того, можно ли вообще с той или иной степенью уверенности квалифицировать описываемые языковые явления как специфические признаки (критерии, атрибуты, свойства) КРЯ.

1. Квалификация РЯ в Казахстане как «казахстанского варианта русского национального языка», функционирующего в «условиях языкового суверенитета Казахстана», как *регионального языка-макропосредника* объясняется Б. Х. Хасанулы следующим: РЯ функционирует изолированно от основной этнической массы, доминирует в образовании, государственном управлении, сфере обслуживания, науке, массовой коммуникации и являет образцы хорошей литературной формы, лишённой проявлений городского просторечия [7. С. 190—194].

Развивая собственную позицию, Б. Х. Хасанулы утверждает, что РЯ «в Казахстане — не локальный вариант русского языка, стоящий за пределами нормы, а *своеобразная его литературная норма*». РЯ в Казахстане отличается своеобразием тематики, объёмом общественных функций, функционирование

¹ В поддержку выдвинутого Е.Ю. Протасовой критерия становления КРЯ напомним важные положения, разработанные Д. Кристалом. В качестве критериев разграничения языка и диалекта он использовал *взаимную понятность / взаимную непонятность* и *культурную общность / культурное своеобразие*. Разное сочетание этих критериев легло в основу пяти типов отношений: британский английский vs. американский английский, английский vs. хинди, норвежский vs. датский, кантонский (китайский) vs. хакка (китайский), турецкий vs. узбекский [12. Р. 287].

десятка типов двуязычия и многоязычия с участием РЯ, некоторые внутрискруктурные особенности на различных уровнях, например, словарный состав, лексико-семантические и стилистические особенности казахских заимствований, грамматическое оформление казахских слов в русской речи, графемно-фонетическая передача и орфографирование казахизмов в русском тексте», наконец, новый тип паритетного двуязычия и трехязычия, а также стратегия овладения и пользования ими [7. С. 194—195].

2. В работе с красноречивым названием «Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык» Е.А. Журавлева определяет РЯ в Казахстане (инонациональной среде) как *национальный вариант полинационального языка*, вставшего в один ряд с английским, испанским, французским [14].

Полинациональный язык, в соответствии со взглядами Е.А. Журавлевой, находится в состоянии неидентичности со своим вариантом. Это объясняется новыми геополитическими условиями, межэтнической интеграцией, активными языковыми контактами, правовым статусом и масштабами функционирования РЯ, изменившимся коммуникативным пространством. Принципиально, что «своеобразие национального варианта РЯ проявляется не только в языке этносов, использующих его во внутриэтническом общении, но и в языке этнических русских». Признаками национального варианта РЯ автор считает: (а) регионализмы, не имеющие эквивалентов в РЯ (тюркизмы) и имеющие эквиваленты в РЯ (тюркизмы и лексика, построенная по моделям РЯ, но отражающая актуальные реалии Казахстана); (б) когнитивные (ментальные и феноменологические) единицы, функционирующие в общественно-политической, социально-культурной, гастрономической и ономастической сферах и организующие картину мира; (в) специфику корпуса употребления прецедентных имен и текстов, апеллирующих к казахстанским культурным концептам и понятным для казахстанцев, говорящих на РЯ; (г) расширение концептосферы, образующей специфичную языковую картину мира и его национальный образ, а также участвующей в создании казахстанской идентичности [14. С. 3—43].

3. Вполне очевидное образование функционального регионального варианта РЯ в Казахстане подтверждается его неадекватностью материковому инварианту, считает Д.Д. Шайбакова [13. С. 257—268; 15].

РЯ в Казахстане, по мнению Д.Д. Шайбаковой, переживает процесс регионализации и все больше дистанцируется от материкового инварианта, аккумулируя в себе различительные инновационные черты варианта языка по отношению к инварианту. К вариантообразующим факторам функционального варианта плюрицентрического РЯ автор относит: изменившийся статус РЯ, иной социальный и культурный контекст, изменение социального субстрата РЯ, уменьшение числа этнических русских, различия в восприятии мира, расхождения в семантизации лексем, образование новых лексических парадигм, словообразовательных моделей и синтагм, появление иных

интонаций, более свободное отношение к норме, смену прагматических установок и др. Определяющим моментом в этом процессе являются меняющиеся коммуникативно-прагматические нормы.

4. З.К. Сабитова, опираясь на [10. С. 102], констатирует, что Казахстан еще не стал изолированным ареалом функционирования РЯ, употребляется во всех формах, не испытывает влияния территориальных диалектов, не кодифицирован, значительных отклонений от стандарта и нормы в нем не наблюдается. З.К. Сабитова убеждена: поскольку различия РЯ в Казахстане и в России касаются лексико-фразеологического уровня, а фонетический и грамматический уровни не затронуты, РЯ в Казахстане не является национальным вариантом [16. С. 208—217].

Автор объясняет специфические социолингвистические особенности РЯ в Казахстане образом жизни его носителей. Это не отдельный, а специально используемый в оригинальных условиях общения РЯ, в известной степени отклоняющийся от стандартов и норм. Однако это не привело его к изоляции от российской идиомы. РЯ в Казахстане, не кодифицируясь как казахская региональная разновидность, продолжает функционировать параллельно с казахским языком, который все больше приобретает роль ведущего языка.

5. Включившись в дискуссию о формировании региональных вариантов РЯ и его взаимодействия с «титульными языками» в странах СНГ, А.К. Казкенова считает, что в качестве доказательств нельзя прибегать только к наращиванию в лексиконе «местных» слов [17. С. 143—152; 18. С. 178—217].

Для развертывания собственной аргументации А.К. Казкенова опирается на следующие языковые факты: (а) региональная группа несклоняемых существительных, которые не подчиняются при склонении общеизвестному образцу; (б) акцентологические особенности региональных слов, ведущие к их словоизменительной специфике; (в) узуальное словоизменение двусоставных имен, отличающее их от типичных для РЯ бинарных единиц и требующее кодификации (и легализации); (г) различия в степени актуальности слов-реалий российской действительности, которые в Казахстане приближаются к экзотизмам.

Таким образом, в актуальную дискуссию о диверсификации русского языка, дивергентно-конвергентных процессах в его развитии, об образовании КРЯ вовлекается все больше лингвистов. Используем их оценки и мнения в новом, более расширенном подходе к происходящим в РЯ активным диверсификационным процессам.

Русский язык в Казахстане: горизонты и перспективы исследований

Наблюдения над функционированием РЯ в Казахстане дают богатейший материал, который *может / или не может* быть интерпретирован как

свидетельство образования КРЯ даже вне соображений о том, что происходящие процессы не проверены временем и могут легко исчезать и появляться, быть зафиксированными в тех или иных источниках, или находиться на периферии окказионализмов. Расширим панораму и интерпретацию ранее описанных и новых языковых фактов, которые привлекались или будут привлечены для доказательства существования КРЯ.

1. Известное понятие *интериоризации* как формирование сознания человека при погружении его в культурные, идеологические, моральные и *языковые* ценности общества, на наш взгляд, вполне может быть применимо к результатам рассматриваемого взаимодействия казахского языка и культуры с РЯ и культурой. Языковое и культурное ‘пограничье’ в Казахстане длится не одно столетие, с одной стороны, образуя интериоризированный казахстанцами общий культурный фон (возможно, даже представление о мире); с другой стороны, меняя (усиливая или ослабляя) векторы влияния.

Первое, возможно, доказывается содержащимися во многих работах аргументами в пользу существования особой картины мира с присущими ей характерными ментальными чертами. Во-первых, она создается (а) казахами-монолингвами, перенесшими языковой сдвиг в сторону РЯ, (б) казахами-билингвами с доминирующим РЯ, (в) казахами-билингвами с периферийным РЯ, но по-прежнему погруженными в стихию казахской культуры, традиций, обычаев и достаточно уверенно чувствующими себя в казахстанском обществе. Во-вторых, картина мира поддерживается, культивируется и распространяется всеми казахстанцами, независимо от принадлежности тому или иному этносу, поскольку они, кроме собственной национальной культуры оказываются естественным образом ‘интериоризированными / встроенными’ в общий казахстанский социальный и культурный фон и не испытывают ‘чуждости’ ему. Культурная и гражданская идентичность в той или иной степени органично вписываются в общенациональную казахстанскую идентичность и общий интериоризированный культурный фон.² В более широком тюркско-славянском контексте об этом убедительно пишет В.П. Синячкин: «За период становления русской языковой культуры немало заимствований из тюркских языков сформировали особый внутренний план сознания носителя данной культуры, стали концептообразующими — концептуальными для русского сознания. Что естественным образом не могло не отразиться в созданных русским народом художественных образах» [17. С. 85—95].

² Весьма типичным является искреннее признание автора книги, названной по-казахски «Ұлы бақытқа талпыну», но написанной по-русски: «В книге используется много казахских вкраплений, не всегда соблюдаются правила русской орфографии казахской ономастической лексики. Например, если я всю жизнь произносила имя *Моншақ* по-казахски, то и писала его на казахском. Несмотря на то, что воспоминания изложены на русском языке, мое ситуативное использование богатств казахского языка свидетельствует о моей глубокой привязанности к казахским духовным ценностям, и я рассчитываю на благосклонность читателя в этом непростом языковом вопросе» [20].

Второе подтверждается диаметрально изменившимися векторами влияния языков: если в досоветский и советский периоды сильным и практически неограниченным было влияние РЯ на казахский, то в современном Казахстане, напротив, стало заметным влияние казахского языка и культуры на РЯ.

Изменившийся вектор влияния языков доказывается, например, тем, что поток заимствований из РЯ в казахский язык практически поддерживается на прежнем уровне. А. К. Казкенова усматривает в этом «определенное номинативное «отталкивание» казахского языка от своего сильного конкурента». При этом РЯ продолжает оставаться языком-посредником и даже языком-образцом при лексических заимствованиях из европейских языков [17. С. 145].

В условиях нарастающей интенсификации взаимодействия казахского и русского языков, обусловленного (а) кардинальным изменением их статуса и функционального состояния, (б) принципиальными переменами в характере устойчивого и массового казахско-русского двуязычия и достаточно активно стартовавшего русско-казахского двуязычия молодежи, (в) изменениями концептуально-ментальной картины мира казахстанцев, РЯ неизбежно и органично приспособляется к коммуникативным потребностям казахстанцев.

2. Становится все более заметным, что РЯ в Казахстане, сохраняя с Россией общее коммуникативное пространство, существует все же в некоторой степени в особых условиях. Это заметно в стремлении самостоятельно осуществлять — пока, возможно, только поддерживать и объяснять — *кодификацию и нормализацию* РЯ в Казахстане. Приведем два достаточно красноречивых примера, которые нуждаются в дальнейшем квалифицированном обсуждении.

Первый пример ранее уже приводился [6] и положительно комментировался [4]. Русское онимическое пространство в Казахстане самостоятельно и адресно регулируется: (а) русские топонимы заменяются исконными или новыми казахскими, (б) игнорируются или ‘казахизируются’ ортологические нормы написания и произношения онимов,³ (в) делаются коллективные попытки лексикографически регламентировать произношение и написание онимов и отонимических образований [21; 22] и др.

Второй пример связан с постепенной кодификацией РЯ в Казахстане. Известно, что кодификация литературного и нормативного языка проводится при целенаправленном руководстве со стороны общества (писателей, ученых,

³ Свежа в памяти жаркая полемика по поводу казахских *ШЫ*. В народе ходили варианты анекдотов про *Шынар Шынгызовну Шынтасову* из *Шымкента*, пытавшуюся на высокогорном курорте *Шымбулак* примирить имена собственные с правилами РЯ... Долго и с жаром обсуждалось ‘неудобство’ русского написания *-шы* — *Шымбулак*. Сейчас же сайты используют *Чимкент* (51 200 результатов) и *Шымкент* (560 000 результатов), а на запрос *Чимкент* Википедия ‘выдает’ *Шымкент*... Слова, так смущавшие *Шынар*, вошли в казахстанское и российское онимическое интернет-пространство как полноценные русские лексические единицы со всеми ‘неудобнопроизносимыми’ и ‘неверными в написании’ сочетаниями звуков и букв, со своеобразием словоизменения и словообразования.

учителей, журналистов, блогеров и др.)⁴ и заинтересованных властных структур, внимательном контроле со стороны редакций и издательств, масс-медиа, справочников, словарей, массовых и обязательных школьных и вузовских учебников. Создание казахстанскими учеными образовательных программ, типовых и учебных программ, учебников и учебных пособий по РЯ и литературе для школ и вузов вот уже более много десятилетий осуществляется в Казахстане независимо. Обязательным требованием к ним является присутствие национально-культурного (т.е. казахстанского) компонента, поэтому учебники РЯ и литературы содержат многочисленные примеры использования казахских лексических и лексико-фразеологических единиц, которые часто даются в оригинальном казахском написании, не переводятся, подвергаются фонетической и морфологической адаптации и прочно внедряются в языковое сознание школьников и студентов.

3. Как следствие происходящих процессов РЯ в Казахстане демонстрирует все большую 'открытость' для проникновения казахских языковых единиц как в устную, так и в письменную речь. Они перестают быть экзотизмами, не нуждаются в переводе и переходят в общенародную лексику.

Данное положение, конечно же, нуждается в широком панорамном диахроническом исследовании состояния РЯ в Казахстане за длительный период. Однако и сейчас можно утверждать, что многочисленные уникальные номинации реалий жизни казахстанского общества уверенно и беспрепятственно проникают в РЯ, способствуя накоплению в нем фактов формирования КРЯ. В первую очередь, подобные уникальные 'казахские номинации' возникают в общественно-политической, официально-деловой, национально-культурной, производственной, бытовой и др. коммуникации и оперативно фиксируются в русском публицистическом дискурсе. В теории заимствования такие языковые явления привели даже к их переоценке: «В условиях регионального варьирования лексики РЯ экзотизм не всегда является заимствованным словом и, наоборот, заимствование не всегда оценивается как экзотизм» [18. С. 81].

Причины наблюдающейся 'открытости' РЯ в Казахстане, очевидно, связаны также с его изменившимся статусом: во-первых, пока РЯ был главным языком Советского Союза, контроль за его функционированием осуществлялся из центра, который, естественно, не допускал массивного проникновения в него регионализмов — ведь РЯ должен был оставаться понятным и литовцу, и коряку, и русскому; во-вторых, изменение этнодемографических пропорций существенно изменило присутствие русских в органах государственного управления, банках, магазинах, рынках, учреждениях образования и пр. и, соответственно, усилило в них роль казахского языка; в-третьих,

⁴ Б. Хасанулы писал об этом процессе следующим образом: «В океане русских слов имеют свою долю и казахизмы, а их объем в какой-то мере зависит от регулирования языковедами и другими деятелями культуры и самого процесса взаимодействия казахского и русского языков» [7. С. 192].

число ‘урожденных носителей РЯ’ в стране продолжает сокращаться (немногим выше 20%), носителями РЯ являются преимущественно казахи (свыше 70%) и представители иных этносов (менее 10% населения страны); в-четвертых, конституционное функциональное равноправие казахского и русского языков на фоне усиливающегося коммуникативного присутствия казахского языка и культуры стало менять взаимное влияние обоих языков.

Примеры ‘открытости’ РЯ для неконтролируемого вхождения беспереводных казахских слов и выражений многочисленны.⁵ Оценивая их в русском тексте, легко подумать, что все они только-только появились. Например, газетные заголовки «От *ұята* до разврата», «*Токалистический* сценарий», «*Кюй*, пока горячо», «*Коня на соғым* остановит, в горящую юрту войдет», «Пусть *шанырак* будет высоким!» и многие другие в соответствии с замыслом журналиста заинтересуют казахстанского читателя, но вызовут отторжение у пуриста и желание удалить их как чуждую РЯ неблагозвучную стихию. Здесь перспективным для исследований оказывается следующее: часть таких слов может отсутствовать в авторитетных классических словарях С.И. Ожегова или Д. Н. Ушакова (*той*, *айтыс*, *байга* и др.), но находиться в двуязычных казахско-русских словарях и оперативно фиксироваться в электронных словарях или в старой и новой версиях Национального корпуса русского языка (*байга*, *айтыс* и др.) [23; 24]. Другие единицы проявляют удивительную деривационную резвость и даже изощренность в образовании слов: *уятмен*, *уятсыз*, *токалистический*, *токализация*, *нуротановец*, *алтынбелгийцы*, *болашаковцы*, *болашакеры*, *байговать* и мн. др. Используя современные корпусные, лексикографические и иные возможности электронных изданий, можно пытаться определить ‘государственные’ и ‘временные’ границы подобных казахских единиц и их роль в диверсификационном движении РЯ в Казахстане.

Отвлекаясь от возможности систематизировать многочисленные проявления диверсификации РЯ (например, по сферам применения, деривационной потенции, аксиологической и эмоциональной нагрузке и пр.), обратим внимание на беспрепятственность и обилие их вхождения в русский текст, адаптируясь по законам РЯ, или напротив, сохраняя казахское кириллическое написание и даже используя еще не утвержденный латинский алфавит. В шутку диверсификационный поток можно представить в таком гиперболизированном виде:

Сегодня в одном тексте соседствуют *Nur Otan*, *Нұр Отан*, *Нур Отан*, не на *той-думанах*, а на страницах газет и в интернете *байгут тойские*

⁵ В связи с наблюдаемым процессом приведем интересное соображение Б. Гавранека, который еще в 1966 г. писал: «Влияние чужого языка — не только внешний фактор, но также и нечто, связанное с внутренним, имманентным развитием языка, который избирает то, что требуется соответственно его структуре и языковым условиям его существования. То, что язык избирает, становится составной частью его имманентного развития, или, другими словами, активным является заимствующий язык, а пассивным язык, из которого заимствуют, и было бы неверное представлять это отношение обратным» [23. С. 107].

айтыскеры, мы готовы *байговать* на автоквесте «*Байга*», отзываясь на энергичные призывы «*Байгу* вместе с *Beeline!*», *ұятсыз тоқалки* (примета *токализации*), развивая собственный *токалистический* сценарий, мечтают стать антикризисной *тоқал*, в худшем случае — *Zaratoқал*, *ұятманы* хотят ввести *ұят* в закон, или хотя бы в директиву «*Ұят! Масқара!*», назойливая реклама на «*Хабаре*» и «*Еларне*» объясняет «Что такое новый *ҰЯТ?*», крутые *ағашки* убеждают «*Ұят* в рэп-баттле — больше, чем просто *ұят!*», мифический персонаж *жұрттың баласы*, подрезавший всем крылья в детстве, талантом *Мұрата* превращен в популярнейший русскоязычный блог «*Jurttyн balasy*», и вот, «*Жаным*, ты не поверишь!», нас со всех сторон заверяют *Biz bergemiz!*

Заключение

Таким образом, можно сделать базовый вывод, приняв за основу теорию и аргументы «Рабочей группы по недоминантным разновидностям плюрицентрических языков» (WGNDV) — русский язык в соответствии с большинством критериев следует считать PCL.

Сложнее прийти к выводам второго уровня. Русский язык в Казахстане переживает бурные, стремительные и заметные по результатам диверсификационные процессы. Их оценка с точки зрения соответствия признакам плюрицентрического варианта дает возможность констатировать наличие узуальных особенностей, которые понемногу и постепенно проходят через этапы нормирования и лексикографической регламентации.

Осознание природы происходящих процессов должно помочь в оценке наблюдаемых многообразных фактов, какими бы незначительными или, напротив, важными они ни казались. Уникальная возможность наблюдать, описывать и понять эти процессы должна быть нами своевременно использована.

Библиографический список

1. Вахтин Н.Б., Мустайоки А., Протасова Е.Ю. Русские языки // *Slavica Helsingiensia*. 2010. no 40. С. 5—16. Режим доступа: <http://www.pluricentriclanguages.org> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Muhr R. The state of the art of research on pluricentric languages: Where we were and where we are now // *Pluricentric Languages and Non-Dominant Varieties Worldwide, Österreichisches deutsch sprache der gegenwart*. R. Muhr (Ed.). Berlin. 2016. В. 18. P. 13—40.
3. Алишариева А., Ибраева Ж., Протасова Е. Казахстанский русский: взгляд со стороны // *Ab Imperio. The Global Condition: Local Names for Universalism*. Нью-Йорк—Казань, 2017. Вып. 4. С. 231—263.
4. Сулейменова Э.Д. К осмыслению вероятности варианта русского языка в Казахстане // *Slavica Helsingiensia*. 2010. no 40. С. 268—282.
5. Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика. Алматы, 2011.
6. Хасанулы Б. Языки народов Казахстана: от молчания к стратегии развития. Алматы, 2007.
7. Muhr R. European pluricentric languages in contact and conflict // *European Pluricentric Languages in Contact and Conflict*, R. Muhr, J. Àngel, M. Castells, J. Rueter (Eds.). Österreichisches deutsch sprache der gegenwart Herausgegeben. Berlin, 2019. В. 21. P. 11—64.

8. *Muhr R.* Linguistic Dominance and Non-Dominance in Pluricentric Languages: A. Typology // Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages. Frankfurt am Main, 2012. P. 23—48.
9. *Бахтикиреева У.М.* Русский — полинациональный язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: лингвистика. 2014. no 2. С. 16—30.
10. *Бахтикиреева У.М.* К проблеме вариантивности лексической системы русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. no 3. С. 117—123.
11. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
12. *Шайбакова Д.Д.* Функционирование неорганического языка в полиэтническом обществе (на материале русского языка в Казахстане). Алматы, 2006.
13. *Журавлева Е.А.* Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык. Алматы, 2007.
14. *Шайбакова Д.Д.* Является ли русский язык плюрицентрическим? // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2016. no VII/2. P. 257—268.
15. *Сабитова З.* Русский язык в Казахстане: национальный вариант? // Slavica Helsingiensia. 2014. 45. С. 208—2017.
16. *Казкенова А.К.* Онтология заимствованного слова. М., 2017.
17. *Казкенова А., Жиренов С.* Самостоятельное развитие и взаимное влияние казахского и русского языков в Республике Казахстан // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2015. no 6/1. С. 143—152.
18. *Синячкин В.П.* Историко-культурный слой тюркизмов в русском быденном сознании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. no 4. С. 85—95.
19. Сарыбай Режим доступа: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=3753888887955752&id=100000040344125 (дата обращения: 10.11.2020).
20. *Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Мусабекова У.Е.* Ономастика Казахстана: географические названия и отонимические производные. Более 3000 единиц. Алматы, 2015.
21. *Мусатаева М., Никитина С., Казкенова А.* Комплексный словарь русского языка. Алматы, 2005.
22. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/old> (дата обращения: 10.11.2020).
23. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 10.11.2020).
24. *Гавранек Б.* К проблеме смешения языков // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972. С. 9—111.

References

1. Vahtin, N.B., Mustajoki, A. & Protasova, E.Yu. (2010). Russian languages. *Slavica Helsingiensia*, 40, 5—16. (In Russ.). URL: <http://www.pluricentriclanguages.org> (accessed:10.11.2020).
2. Muhr, R. (2016). The state of the art of research on pluricentric languages: Where we were and where we are now In *Pluricentric Languages and Non-Dominant Varieties Worldwide, Österreichisches deutsch sprache der gegenwart*, R. Muhr (Ed.). Berlin. B. 18. pp. 13—40.
3. Alisharieva, A., Ibraeva, Zh. & Protasova, E. (2017). Kazakh Russian: a view from the outside In *Ab Imperio. The Global Condition: Local Names for Universalism*. New York-Kazan'. Vol. 4. pp. 231—263. (In Russ.).
4. Suleimenova, E.D. (2010). To understanding the likelihood of a variant of the Russian language in Kazakhstan. *Slavica Helsingiensia*, 40, 268—282. (In Russ.).
5. Suleimenova, E.D. (2011). *Language processes and politics*. Almaty. (In Russ.).
6. Hasanuly, B. (2007). *Languages of the peoples of Kazakhstan: from silence to development strategy*. Almaty. (In Russ.).
7. Muhr, R. (2019). European pluricentric languages in contact and conflict In *European Pluricentric Languages in Contact and Conflict*, R. Muhr, J. Àngel, M. Castells, J. Rueter (Eds.). Österreichisches deutsch sprache der gegenwart Herausgegeben. Berlin. Book 21. pp. 11—64.

8. Muhr, R. (2012). Linguistic Dominance and Non-Dominance in Pluricentric Languages: A. Typology In *Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages*. Frankfurt am Main. pp. 23—48.
9. Bachtikireeva, U.M. (2014). Russian is a Multinational Language? *Russian Journal of Linguistics*, 2, 16—13. (In Russ.).
10. Bachtikireeva, U.M. (2010). To the problem of variability of the Russian lexical system. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 117—123. (In Russ.).
11. Crystal, D. (1987). *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Shaibakova, D.D. (2006). The functioning of the inorganic language in a multiethnic society (based on the Russian language in Kazakhstan). Almaty. (In Russ.).
13. Zhuravleva, E.A. (2007). *Variation of the lexical system: Russian as a multinational language*. Almaty, 2007. (In Russ.).
14. Shaibakova, D.D. (2016). Is Russian pluricentric? *Przegląd Wschodnioeuropejski*, VII / 2, 257—268. (In Russ.).
15. Sabitova, Z. (2014). Russian language in Kazakhstan: national variant? *Slavica Helsingiensia*, 45, 208—2017. (In Russ.).
16. Kazkenova, A.K. (2017). *Ontology of the borrowed word*. Moscow. (In Russ.).
17. Kazkenova, A. & Zhirenov, S. (2015). Independent development and mutual influence of the Kazakh and Russian languages in the Republic of Kazakhstan. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 6/1, 143—152. (In Russ.).
18. Sinyachkin, V.P. (2011). Historical-and-cultural Turkisms layer in the everyday Russian language perception. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 85—95. (In Russ.).
19. Sarybai. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=3753888887955752&id=100000040344125 (accessed: 10.11.2020). (In Russ.).
20. Suleimenova, E.D., Shaimerdenova, N.Zh. & Musabekova, U.E. (2015). *Onomastics of Kazakhstan: geographical names and otonymic derivatives*. More than 3000 units. Almaty. (In Russ.).
21. Musataeva M., Nikitina S., Kazkenova A. Comprehensive dictionary of the Russian language. Almaty, 2005. (In Russ.).
22. Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/old> (accessed: 10.11.2020). (In Russ.).
23. Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (accessed: 10.11.2020). (In Russ.).
24. Havranek, B. (1972). On the problem of mixing languages In *New in linguistics*. Iss. VI. Moscow. pp. 9—111. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Сулейменова Элеонора Дюсеновна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранной филологии и переводческого дела факультета филологии и мировых языков Казахского национального университета имени аль-Фараби; *e-mail*: esuleim@gmail.com. Scopus ID: 55826261000

Аканова Дана, Ph.D., Чикагский университет (США); *e-mail*: dakanova@gmail.com.

Аймагамбетова Малика Муратовна, Ph.D., зав.кафедрой иностранной филологии и переводческого дела факультета филологии и мировых языков Казахского национального университета имени аль-Фараби; *e-mail*: aimagambetovamalika@gmail.com. Scopus ID: 57197821028.

Information about the authors:

Suleimenova Eleonora D. Doctor sciences of Philology, professor, Foreign philology and translation studies, Faculty of Philology and World Languages, Al-Farabi Kazakh National University; *e-mail*: esuleim@gmail.com. Scopus ID: 55826261000.

Dana Kh. Akanova, Ph.D., University of Chicago (USA); *e-mail*: dakanova@gmail.com.

Malika M. Aimagambetova, Ph.D., Head of Department of Foreign philology and translation studies, Faculty of Philology and World Languages, Al-Farabi Kazakh National University; *e-mail*: aimagambetovamalika@gmail.com. Scopus ID: 57197821028.